

УДК 94(47).06+94(47).07

ББК 63.3(2)51-2

**Эволюция системы управления лесами
Российской империи
во второй половине XVIII в.**

М.О. Тяпкин¹, Д.А. Глазунов²

¹ Барнаульский юридический институт МВД России (Барнаул, Россия)

² Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

**The Evolution of the Forest Management System of the
Russian Empire in the Second Part of the XVIII Century**

M.O. Tyapkin¹, D.A. Glazunov²

¹ Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of Russia (Barnaul, Russia)

² Altai State University (Barnaul, Russia)

В статье рассматривается процесс эволюции системы управления лесами России на протяжении второй половины XVIII в., охватывающей период правления Елизаветы Петровны, Петра III и Екатерины II. Проводится анализ нормотворческой деятельности, посвященной вопросам охраны лесов от пожаров и самовольных порубок, организации лесной службы и модернизации лесного хозяйства. Также рассмотрены вопросы владельческой принадлежности лесов Российской империи и изменения в организации дворянской лесной службы после принятия Манифеста 1762 г. и Жалованной грамоты 1785 г. В работе отражается постепенно развивавшееся во второй половине XVIII в. представление о ценности лесных массивов не только как сырьевой базы для кораблестроения, но и как самостоятельного объекта хозяйствования, что нашло отражение в реформировании Адмиралтейств-коллегии, проведении генерального межвания, а также принятии проекта Устава о лесах, подготовленного в 80-х гг. XVIII в. Показана специфика лесного хозяйства России в рассматриваемый период, заключающаяся в том, что леса, произрастающие в удаленных местностях империи, практически выпадали из хозяйственного оборота.

Ключевые слова: лесное хозяйство, охрана лесов, лесное законодательство, вальдмейстер, форстмейстер, проект Устава о лесах, Адмиралтейств-коллегия.

DOI 10.14258/izvasu(2015)4.2-36

Лесное хозяйство относится к числу отраслей, для которых характерен достаточно длительный период воспроизводства. Рациональное хозяйствование предполагает реализацию целого комплекса мероприятий, которые позволят в будущем не испытывать про-

The article considers the process of evolution of the forest management system of the Russian Empire during the second part of the XVIII century which covers the periods of Elizaveta Petrovna, Peter III and Yekaterina II reign. The authors give the analysis of law-making activity devoted to the questions of forest protection from fires and illegal felling, formation of forest service and modernization of forest management. The emphasis is made on the questions of the affiliation of forests to the Russian Empire and changes in the organization of the noble Forest Service after the adoption of Manifesto 1762 and Charter to the nobility of 1785. The article describes the idea of the importance of wooded areas not only as a source of raw materials but also as an independent economic object which gradually developed in the second part of the XVIII century. This was reflected in the reformation of Admiralty Board, land surveying and adoption of the draft of the Forest Charter of 1785. The authors reveal the peculiarity of Russian forestry in the period under study: inland wooded areas were not included in economic rotation.

Keywords: forestry, forest protection, forest legislature, Waldmeister (ger.), Forstmeister (ger.), project of Forest Regulations, Board of Admiralty.

блем с обеспечением древесиной. Другими словами, фундамент будущего лесного благополучия страны закладывается сегодня. С уверенностью можно говорить о том, что сегодня мы во многом пользуемся результатами трудов и, может быть, исправляем ошибки

предшествующих поколений, осуществлявших лесохозяйственную деятельность. Таким образом, анализ и использование накопленного исторического опыта в сфере лесопользования, охраны и восстановления лесов имеет не только научный, но и практический потенциал.

XVIII столетие стало временем возникновения и дальнейшего развития отечественной системы лесного хозяйства. В том виде, в котором лесное хозяйство Российской империи подошло к 1917 г., оно сформировалось лишь в середине XIX в., поэтому на протяжении всего предшествующего периода шли поиски оптимальной модели функционирования лесохозяйственной системы. Целью данной работы является анализ развития системы лесного хозяйства Российской империи на протяжении второй половины XVIII в., прежде всего через изучение нормативной базы функционирования лесной отрасли.

После вступления на престол Елизаветы Петровны императрицей был объявлен курс на возврат к принципам политики ее отца. Нельзя сказать, что на лесной отрасли это отразилось коренным образом, поскольку проблемы, существовавшие в ней, оставались прежними. Однако постепенно качественные изменения в российском лесном хозяйстве накапливались и готовились дать первые осязаемые результаты. Одной из важнейших проблем оставалась охрана лесов от самовольных порубок и пожаров. Нормотворческая активность Елизаветы Петровны в этом направлении была ничуть ни ниже, чем у ее предшественников. Практически каждое лето издавались указы, в которых обывателям предписывалось соблюдать меры предосторожности от лесных пожаров. Так, 2 июля 1745 г. было издано сразу два указа, посвященных описанию мер по недопущению лесных пожаров. Каких-либо специальных мероприятий не предусматривалось. Профилактика лесных пожаров сводилась к запрету оставлять незатушенные костры, разводить огонь вблизи деревьев, топить печи в жилых домах и харчевнях в летнее время, оставлять на местах лесозаготовок порубочные остатки. Вальдмейстерам и лесным надзирателям поручалось следить за тем, чтобы летом пищу обыватели готовили на кострах «за огородами», хлеб пекли «с великим бережением», а костры после ночевки и стоянок заливали. Провинившихся предписывалось «на страх другим сечь батожем» [1, с. 415; 2, с. 416]. Обращает на себя внимание то, что впервые за много лет в императорских указах были упомянуты сибирские леса. Правда, дореволюционный исследователь В.А. Энгельфельд признавал существование двух указов 1744 и 1754 г. только на бумаге [3, с. 5]. Сами по себе эти два указа весьма показательны. Первый, сенатский от 28 февраля 1744 г., последовал за устным распоряжением императрицы, чтобы в лесах Сибирской губернии, где «имеется соболиный лов, накрепко запретить, чтобы лесов жечь никто отнюдь

не дерзали» [4, с. 30]. В тексте указа имеется пояснение, что в распоряжении Сената не имеется сведений о наличии подобных указов, изданных ранее по причине печально известного грандиозного московского пожара 1737 г., уничтожившего, в числе прочих, канцелярию Сибирского приказа. Поэтому помимо прямого запрета «жечь леса» указ содержал требование о присылке в Сенат копий «прежних запретительных указов». Спустя 10 лет был издан указ с практически идентичным содержанием, который имел целью «подтвердить еще накрепчайшими указами» в Сибирский приказ и Сибирскую губернскую канцелярию запрет жечь леса, а также довести это требование до местного населения «с подписками». Нарушение приказа грозило обывателям следствием и наказанием, а должностным лицам за «слабое смотрение» было обещано, что с ними «наижесточайшее поступлено будет» [5, с. 245–246]. При этом указ, кроме превосходных степеней в части определения последствий нарушения запрета, никаких конкретных санкций не предусматривал. Приходится признать, что, несмотря на некоторый интерес к судьбе сибирских лесов, никакой целенаправленной комплексной политики в этом отношении не велось. Ценность сибирского леса рассматривалась в первую очередь с точки зрения пушного промысла. Вплоть до конца XVIII в. сибирские леса практически исключаются из общероссийского законодательства.

В середине XVIII в. в официальных документах, в том числе нормативных актах встречаются привычные указания на то, что «как крестьяне, так и другие люди на хоромное и на судовое и на прочее строение и на дрова лес рубят с великим небрежением» [6, с. 912]. Цитируемый указ Елизаветы Петровны, датированный 24 октября 1748 г., содержит одно интересное соображение о том, что вальдмейстеры и лесные надзиратели были определены исключительно для сбережения «годного на корабельное строение леса» (далее идет описание его конкретных свойств: порода, возраст, размер). Другими словами, лесопользование на «казенные дела» и «владельцам на домовые нужды» фактически не интересовало государство, оно выходило за пределы компетенции лесного ведомства и ограничивалось лишь в том случае, когда затрагивались интересы кораблестроения. Надо признать, что подобная система могла существовать лишь до того времени, пока интересы лесовладельцев, лесопользователей и государства не сталкивались в непримиримой борьбе. При этом необходимо помнить, что государство оказывалось в заведомо проигрышной ситуации, поскольку полупрофессиональная вальдмейстерская служба не могла гарантировать эффективную охрану лесов.

Узконаправленную сферу деятельности вальдмейстеров подтвердил более поздний указ от 30 сентября 1760 г., согласно которому лесные чиновники назна-

чались лишь в тех местах, где произрастает ценный корабельный лес. Относительно всех остальных массивов в указе содержится конкретная формулировка, что негодные к корабельному строению леса «хранимы быть не должны», а присутствие в них вальдмейстеров доставляет обывателям лишь «обиды и излишние приметки» [7, с. 521]. Согласно букве данного указа вальдмейстеры были «отрешены» из тех лесов, которые не представляли ценности для флота. Корабельные леса оставались под надзором вальдмейстеров, действующих по инструкции 1723 г. Также в этом указе впервые за все XVIII столетие нами была встречена норма об ответственности вальдмейстеров за превышение должностных полномочий. Конкретных санкций не предусматривалось, однако у обывателей появилась возможность подавать прошения в Адмиралтейств-коллегию, ожидая рассмотрения правонарушений вальдмейстеров и «удовольствования» своих интересов.

В Адмиралтейской коллегии был составлен рапорт, в котором указывались предложения о необходимости наличия вальдмейстеров в тех или иных лесных дачах. Через несколько месяцев, в декабре 1760 г. был издан сенатский указ, в котором Адмиралтейств-коллегии предписывалось «отрешить» от службы тех вальдмейстеров, которые были назначены не в соответствии с вальдмейстерской инструкцией [8, с. 573–574]. Кроме того, специальным нарочным офицерам коллегии предписывалось составить новые ландкарты корабельных лесов и определить необходимость пребывания вальдмейстеров в конкретных лесных дачах. В соответствии с вальдмейстерской инструкцией лесные специалисты назначались из местных помещиков «без излишества».

В рассматриваемый период дворяне еще не были освобождены от обязательной службы в пользу государства, о чем и было прямо сказано в данном указе, который рассматривал охрану лесов как разновидность государственной службы. В связи с этим все накладные расходы, в частности затраты на разъезды, вальдмейстеры должны были нести за свой счет. Хотя в документе присутствует норма о выплате вальдмейстерам жалования, прямого указания на источник финансирования не содержится. Вероятно, он оставался прежним — штрафные деньги, взысканные за лесонарушения. Из этого же фонда, согласно сложившейся практике, оплачивались расходы на проезд офицерам, командируемым для освидетельствования мест совершения самовольных порубок [9, с. 745].

Назначенным вальдмейстерами помещикам предписывалось «годные леса беречь так, как свои собственные». Было подтверждено также, что контроль за их деятельностью осуществлялся как со стороны губернаторов и воевод, так и со стороны Адмиралтейской коллегии. Интересной новеллой, содержащейся в указе, является предложение сенато-

ров императрице установить компенсацию помещикам за использование их лесов на государственные кораблестроительные нужды «дабы они охоту имели годные леса сами беречь» [8, с. 574]. Подобная норма могла быть введена только именным высочайшим указом, поскольку в действующей вальдмейстерской инструкции предусматривалось безвозмездное лесопользование из помещичьих дач для строения флота.

Таким образом, данный указ подтвердил функционирование лесной службы на принципах, заложенной вальдмейстерской инструкцией петровских времен. Одним из важнейших принципов ее организации являлась обязательная государственная служба дворян, в том числе в ведомстве Адмиралтейской коллегии по охране ценных корабельных лесов.

После прихода к власти Петра III им был объявлен курс на модернизацию российского военно-морского и торгового флота [10, с. 910–911]. Однако принятый буквально через несколько дней Манифест «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» освободил дворян от обязательной службы, предоставил им возможность самостоятельно выбирать род занятий [11, с. 912–915]. Очевидно, что столкновение двух тенденций: необходимость модернизации флота и увеличение спроса на корабельную древесину, с одной стороны, и фактическое прекращение обязательной вальдмейстерской службы — с другой, было практически неизбежным. Однако проявилась она уже в правление Екатерины II.

Появление профессиональной лесной службы совпало с освобождением дворян от обязательной государственной службы и во многом было обусловлено им. Манифест от 18 февраля 1762 г. «О вольности дворянской» окончательно прекратил практику и саму возможность «вверять леса дворянам, отставным офицерам и «добрым людям» [12, с. 7]. Не имея альтернативы дворянской вальдмейстерской службе, Сенат рассматривал каждый частный случай, поручая охрану обер- и унтер-офицерам, солдатам, сотским и др., что не могло не отразиться на ухудшении состояния лесов. Издание Екатериной II грамоты о вольностях дворянства окончательно положило конец существованию вальдмейстерской службы, потому что дворяне не соглашались служить без жалования. Места их постепенно заменили обер-форстмейстеры, форстмейстеры и впоследствии ферстеры.

В целом правление Екатерины II ознаменовалось существенными изменениями в сфере лесоохраны и лесопользования. По отношению к лесной собственности в законодательстве наметилось два противоречащих друг другу направления. С одной стороны — провозглашенное Петром I право государства на лес как стратегический объект, отрицание частной лесной собственности и отношение к лесной службе как повинности, а с другой — признание в отдельных указах частной собственности предписанием платить за дере-

вья, выбираемые для флота у частных лесовладельцев. Последовательное отрицание Петром I права частной собственности на леса, получившее закрепление в законодательстве, привело к тому, что «всякое, даже вполне законное пользование лесом казалось опасным и для обеспечения населения от злоупотреблений администрации необходимо было издавать разрешительные законы» [13, с. 147].

Еще одной тенденцией, наметившейся во второй половине XVIII в., стало проникновение в российское лесное хозяйство западноевропейских, особенно немецких нововведений. Со временем стали появляться работы российских ученых, которые затрагивали вопросы рационального лесопользования и охраны лесов (М.В. Ломоносов, А.Т. Болотов, С.П. Крашенинников, А.А. Нартов, П.И. Рычков). Часть накопленных знаний о лесах России сыграла свою роль при составлении проекта Устава о лесах 1785 г. [14, с. 3–45].

Одним из первых существенных изменений в сфере лесного управления стало реформирование в 1763 г. Адмиралтейской коллегии. Напомним, что к тому времени сложилась система управления лесами, при которой обер-сарваерская контора Адмиралтейской коллегии осуществляла контроль за состоянием всех лесов, пригодных для кораблестроения, а вальдмейстерская контора той же коллегии имела в своем ведении заповедные леса «и определенных к тому надзирателей и прочих служителей» [15, с. 442]. В результате предпринятых преобразований общий надзор за корабельными лесами был возложен на вновь созданную путем объединения обер-сарваерской и вальдмейстерской контор Интендантскую экспедицию, входившую в состав Адмиралтейств-коллегии. Остальные леса находились в ведении казенных палат и охранялись полесовщиками, выбираемыми из крестьян.

Спустя два года, в 1765 г. был принят новый Регламент Адмиралтейской коллегии, в котором были определены полномочия вновь созданной Интендантской экспедиции, в том числе в сфере лесосохраны и лесопользования [16, с. 271–279].

Следующим серьезным шагом по направлению модернизации лесной отрасли стало решение Екатерины II о проведении генерального межевания земель и лесов. В инструкции межевым губернским канцеляриям и провинциальным конторам содержалась глава, посвященная описи лесных дач [17, с. 738–741]. Межевая инструкция содержала не только описание порядка приведения лесов в известность, но и регламентировала порядок проведения опалки. Параллельно были даны рекомендации лесовладельцам, касающиеся охраны лесов. Так, были запрещены любые рубки в соседних лесных дачах, а не имеющим лесных дач помещикам было рекомендовано сеять и заводить леса «в собственных своих дачах, не имея на посторонние надежды». Самовольные порубки, выявленные

в ходе проведения межевания, наказывались штрафом в десятикратном размере стоимости срубленной древесины. Наказания, по представлению межевых канцелярий и контор, налагались губернскими, провинциальными и воеводскими канцеляриями.

В процессе приведения лесов в известность были разграничены владения и даны исходные пункты для всех последующих межевых, лесочетных и лесоустроительных работ в России [18, с. 14].

Во второй половине XVIII в. наметилась еще одна тенденция в лесной отрасли. Государство постепенно начинает переориентацию со снабжения лесом флота на извлечение доходов из казенных лесных владений. Еще в конце 1760-х гг. у законодателя существовало убеждение в том, что «сохранение заповедных лесов принадлежит единственно до Адмиралтейства», однако спустя несколько лет оно кардинально поменялось.

В 1767 г. последовало разделение лесной части: корабельные леса и заготовка деревьев для флота оставались в ведении Адмиралтейств-коллегии, а все остальные леса, как казенные, так и частные, перешли в заведование директоров государственного домоводства. Наметившуюся тенденцию продолжил указ от 16 февраля 1782 г., согласно которому все леса, принадлежащие Адмиралтейству в губерниях, были переданы в ведомство директоров государственного домоводства (экономии), под главным наблюдением казенных палат [19, с. 405–406]. В этом же указе впервые было упомянуто о готовящемся проекте Устава о лесах.

Во время правления Екатерины II была издана серия законов, защищавших права помещиков на собственные лесные владения [20, с. 71; 21, с. 722–723; 22, с. 533–534; 23, с. 667]. Венцом политики Екатерины II по отношению к частным лесовладельцам стал указ от 22 сентября 1782 г. Этот указ отрицал все предшествующее законодательство запретительного характера, признавая его несостоятельность и несовпадение с курсом политики Екатерины II и новыми течениями мировой политической мысли, провозглашавшими приоритет частной собственности даже над государственными интересами. Законодателем также было принято во внимание неприятие населением запретительных норм и пожелания различных слоев общества, изложенные в наказах депутатам в комиссию 1767 г.

Помещики получили неограниченное право собственности на все леса, произрастающие в пределах их владений, в том числе имевшие статус заповедных. Было отменено правило, действовавшее еще с 1722 г., согласно которому продажа мачтовых деревьев за границу должна была обязательно согласовываться с Адмиралтейской коллегией. Рубка частных лесов на казенные надобности, в том числе кораблестроение, могла производиться только с согласия владельца и за плату.

В указе также были зафиксированы два самых распространенных заблуждения относительно российского лесного хозяйства. Во-первых, законодатель полагал, что «казенные наши дачи столько изобилуют лесными произрастаниями, что флоты наши всегда тем могут удовольствоваться». Во-вторых, крайне сомнительной кажется уверенность «просвещенной императрицы» в том, что «радетельные помещики приложат старание их о всевозможном охранении лесов своих от напрасного истребления и о размножении растений их в собственную свою и потомства их пользу» [24, с. 676]. «Жалованная грамота дворянству» 1785 г. подтвердила «благородным право собственности в лесах, растущих в их дачах, и свободного их употребления в полной силе и разуме» [25, с. 31].

Таким образом, с этого времени состояние частных лесов, освобожденных от правительственного надзора, полностью зависело от их владельцев. Дореволюционный правовед, известный специалист в области лесного права С. Ведров писал, что в 1782 г. «кончается в России история лесоохранения и начинается с одной стороны история управления казенными лесами, а с другой печальная летопись истребления частных лесов их собственными хозяевами вследствие малопродуктивности лесной собственности вообще и стремления к превращению лесной недвижимой собственности в деньги» [26, с. 171].

Частные леса, вышедшие из-под государственной опеки, стали быстрыми темпами уничтожаться. «Рубка лесов даже в заповедных лесах начала производиться в громадных размерах, а владельцы корабельных лесов старались как можно скорее обратить их в деньги, опасаясь, чтобы рубка опять не воспрещена была правительством» [27, с. 502]. Лесоохранительные мероприятия локального характера не находили законодательной поддержки.

Разделением лесного фонда на две строго различаемые категории: леса казенные и леса частные — была заложена основа развития дореволюционного лесного хозяйства. Государственные леса подлежали хозяйственному устройству, эксплуатации и охране как казенное имущество, «правительство стало обращать внимание на важность для государственных интересов установления надлежащего хозяйства в лесах» [28, с. 1]. Устройство казенных лесов должно было служить примером для частных лесовладельцев, однако лесное ведомство, «обладавшее наибольшей суммой специальных знаний, систематически устранялось от всякого влияния на развитие хозяйства в лесах частновладельческих, хотя бы даже в форме содействия» [29, с. 325].

При новом делении лесов на частные и казенные появилась необходимость принятия новых правил, регулирующих организацию лесного хозяйства. Возник план создания общего для всей империи Лесного устава, работа над которым началась в 1785 г. В составле-

нии проекта принимал участие П.С. Паллас под непосредственным контролем Екатерины II. Проект Устава представлял собой совокупность всех новейших знаний в области лесного хозяйства, существовавших в конце XVIII в. Первый Лесной Устав был утвержден только в 1802 г., но его отдельные части вступили в силу в виде именных указов Санкт-петербургскому, тульскому и калужскому генерал-губернаторам.

В частности, в марте 1786 г. было издано и разослано два идентичных по содержанию указа, посвященных описи, обмежеванию и разделению на части казенных лесов северной и средней полосы России [30, с. 560–563; 31, с. 563–566]. Устав регламентировал вопросы биологической характеристики лесов, лесоразведения, лесовосстановления, лесопользования и лесоохраны. В частности определялся порядок назначения лесосек, использования древесины в зависимости от ее качества, затрагивались вопросы искусственного лесоразведения. Присутствовали безусловные запреты на рубку дуба, чинара, клена, илима, вяза, ясеня, лиственницы и сосны, «которая в отрубе 12 вершков и больше». Корабельный и строевой лес не мог быть употреблен на дрова. Указывалось, что лесопользование в казенных рощах было возможно лишь по именному и сенатскому указу. По вопросам охраны лесов от пожаров в текстах указов встречается ссылка на ст. 249 Учреждения для управления губерний 1775 г., согласно которой земский капитан-исправник должен был наблюдать за соблюдением противопожарных правил населением, а также непосредственно руководить тушением лесного пожара [32, с. 255].

Лесная территория России, по предложению П.С. Палласа, делилась по географическому признаку на северную (Санкт-Петербургская, Рижская, Ревельская, Выборгская, Новгородская, Тверская, Псковская, Вологодская, Вятская, Ярославская, Костромская, Архангельская, Пермская, Тобольская, Олонекская губернии), среднюю (Московская, Иркутская, Кольванская, Калужская, Тамбовская, Симбирская, Орловская, Курская, Саратовская, Тульская, Уфимская, Нижегородская, Полоцкая, Могилевская, Новгород-Северская, Казанская, Черниговская, Воронежская, Рязанская, Харьковская, Пензенская, Владимирская, Смоленская губернии) и полуденную (Екатеринославская, Киевская, Кавказская губернии, Таврическая область) зоны. В соответствии с зональным делением должна была строиться организация лесного хозяйства. По отношению к южным губерниям, в особенности Екатеринославской и Таврической области, особой заботой государства стало разведение лесов [33, с. 859–860].

Древесная растительность подразделялась на высокоствольный (первой, второй и третьей статьи), малорослый лес и кустарники [34, с. 56].

Лесохозяйственное значение признавалось только за первым типом леса.

С правовой точки зрения проект Устава разделял леса «на государственные и на состоящие в общественной и частной собственности». Государственные леса должны были передаваться под контроль Лесного департамента. Государственные леса делились на «казенные» и на «имеющие особое предназначение». Казенными «называются те государственные леса, которые не отведены к особым ведомствам, не приписаны к каким-либо установлениям, заведениям или обществам, и состоят в непосредственном распоряжении казны». Государственными лесами, имеющими особое предназначение, признаются «те, коими предоставлено пользоваться особым ведомствам, заведениям или обществам».

В частности, к государственным лесам, имевшим особое предназначение, относились:

- предназначенные для военных нужд, в том числе крепостей и иных сооружений;
- приписанные к казенным и частным горным, соляным, оружейным заводам, а также к фабрикам и промыслам;
- государственные леса, из коих довольствуются лесом селения бывших государственных крестьян, а также леса, отведенные в надел крестьянам и инородцам в Сибири и государственным поселенцам Закавказья;
- принадлежащие казенным имениям Западных и Прибалтийских губерний;
- отведенные городам, в коих не введено Городовое Положение;
- предоставленные в наделение колонистам;
- выделенные монастырям;
- состоящие в пользовании инородцев, казачьих войск и т.п.

Общественными и частными признавались леса, «не принадлежащие к числу государственных и владеемые на праве собственности обществами и частными лицами».

Проект устава предполагал охрану леса профессиональными лесными смотрителями. Из лесов казенных крестьян, заводов и фабрик выделялись пятые части, т.е. заказные рощи, предназначенные «для государственного знатного и важного кораблестроения». Из заказных рощ, находившихся под особым наблюдением директоров домоводства, отпуск разрешался не иначе, как по сенатским или именным указам. Остальные леса делились на лесосеки, в которых, в зависимости от породного состава, зрелости древесины и географического положения, вводился определенный оборот рубок.

Содержание государственного лесного фонда предполагалось возложить на особый аппарат управления, что и было сделано в ходе дальнейших преобразований 1796–1802 гг.

Таким образом, в XVIII в. в Российской империи под влиянием новых тенденций в развитии государственности возникла насущная необходимость нормативного регулирования отношений в сфере использования леса, а также его охраны. В результате проведенного анализа лесного законодательства Российской империи XVIII в. мы можем согласиться с точкой зрения А.Ю. Пуряевой, которая говорит о том, что «принятие актов, регулирующих лесные отношения в России в период с принятия Соборного уложения 1649 г. по 1917 г., зависело не от задач перспективного развития этих отношений, а, скорее, от существовавших проблем, связанных с эксплуатацией лесов» [35, с. 6]. В то же время необходимо понимать, что общий уровень развития правовой системы России в начале XVIII в. не предусматривал другого варианта, нежели реакция законодателя на меняющиеся условия хозяйствования. Тем не менее именно XVIII в. стал тем фундаментом, на котором строилась вся система дореволюционного лесного хозяйства с ее сильными сторонами и недостатками.

XVIII в. стал временем активного индустриального развития. Древесина требовалась уже не только для строительства кораблей, но и для удовлетворения потребностей промышленных предприятий в сырье и топливе, а также нужд населения, численность которого также возрастала.

В середине XVIII в. на Урале уже было более 100 металлургических заводов, за ними были закреплены примыкающие к ним и доступные для эксплуатации леса, в которых рубки велись «бессистемно и нещадно». Для рассматриваемого периода было характерно проведение истребительных рубок лесов в густонаселенных районах страны и местах, удобных в лесотранспортном отношении, без соблюдения даже элементарных правил ведения лесного хозяйства при рубках. Служба охраны лесов от пожаров и вредителей не была налажена. На юге и в центральных губерниях России в результате хищнических рубок исчезли огромные площади лесов, а на Севере нещадно вырубали лучшие части сосновых и лиственничных лесов, произраставших вдоль Онеги, Северной Двины и ее притоков, Мезени, Печоры и других водных путей [36, с. 12–13].

Нельзя сказать, что правительство равнодушно смотрело на происходящие события. Напротив, издавалось значительное количество нормативных актов, с помощью которых предпринимались попытки исправить ситуацию. Однако целый комплекс причин, связанных с особенностями правового и экологического сознания населения нашей страны, не позволял в полной мере воплотить благие начинания в жизнь. Зачастую небрежное отношение к лесу зависело не столько от незнания правил и технологий, сколько от нерадивости, лености, халатности и мздоимства людей, которые должны были охранять госу-

дарственные леса. Искоренить такое зло было трудно, а его последствия оказывались самыми серьезными, например когда корабли начинали строить из сырого, плохо просушенного или бракованного леса.

Библиографический список

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е (ПСЗРИ-1). — Т.12. — № 9182.
2. ПСЗРИ-1. — Т.12. — № 9183.
3. Энгельфельд В.А. О лесах Западной Сибири. — СПб., 1888.
4. ПСЗРИ-1. — Т. 12. — № 8881.
5. ПСЗРИ-1. — Т. 14. — № 10313.
6. ПСЗРИ-1. — Т. 12. — № 9544.
7. ПСЗРИ-1. — Т. 15. — № 11111.
8. ПСЗРИ-1. — Т. 15. — № 11156.
9. ПСЗРИ-1. — Т. 18. — № 13179.
10. ПСЗРИ-1. — Т. 15. — № 11442.
11. ПСЗРИ-1. — Т. 15. — № 11444.
12. Столетие учреждения Лесного департамента. 1798–1898 гг. — СПб., 1898.
13. Ведров С. О лесоохранении по русскому праву. — СПб., 1878.
14. Свод законов Российской империи. — Т. 8. — СПб., 1912.
15. ПСЗРИ-1. — Т. 16. — № 11982.
16. ПСЗРИ-1. — Т. 17. — № 12459.
17. ПСЗРИ-1. — Т. 17. — № 12659.
18. Лагунов П.М. Лес и проект (из истории российского лесоустройства) // Лесное хозяйство. — 1998. — № 2.
19. ПСЗРИ-1. — Т. 21. — № 15351.
20. ПСЗРИ-1. — Т. 18. — № 12859.
21. ПСЗРИ-1. — Т. 18. — № 13161.
22. ПСЗРИ-1. — Т. 20. — № 14623.
23. ПСЗРИ-1. — Т. 20. — № 14736.
24. ПСЗРИ-1. — Т. 21. — № 15518.
25. Российское законодательство X–XX вв. — Т.5: Законодательство периода расцвета абсолютизма. — М., 1987.
26. Ведров С. О лесоохранении по русскому праву. — СПб., 1878.
27. Вейнберг Я. Лес. Значение его в природе и меры к сохранению. — М., 1884.
28. Нехорошев Т.В. Краткий обзор деятельности казенного лесного управления за 1893–1902 гг. — СПб., 1903.
29. Шилов Д. Наше лесоохранение. Критические очерки по поводу магистерской диссертации Ведрова «Лесоохранение по русскому праву» // Лесной журнал. — 1880. — Кн. 5.
30. ПСЗРИ-1. — Т. 22. — № 16364.
31. ПСЗРИ-1. — Т. 22. — № 16365.
32. ПСЗРИ-1. — Т. 20. — № 14392.
33. ПСЗРИ-1. — Т. 22. — № 16548.
34. Теринов И. К 200-летию проекта Устава о лесах // Лесное хозяйство. — 1985. — № 12.
35. Пуряева А.Ю. Государственное управление частными лесами в России в период с 1649 по 1917 г. // Экологическое право. — 2011. — № 4.
36. Шегельман И.Р. Лесные трансформации (XV–XXI вв.). — Петрозаводск, 2008.